НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО.

ПО ПОВОДУ

ПРИЧИТАНІЙ СѢВЕРНАГО КРАЯ, СОБРАННЫХЪ Е. В. БАРСОВЫМЪ.

Ст. Н. И. Ваталина

(Перепечатано изъ Филологическихъ Записокъ.)

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи Н Д. Гольдштейнъ
1873.

1к

ПРОВ. 1954

П

PV
853.
3
Бэт.

Дозволено Цензурой. Москва, 21 Іюня 1873 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

539Г
25.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО.

По поводу причитаній сѣвернаго края, собранныхъ Е. В. Барсовымъ. Москва, 1872.

Изученіе народной жизни, народныхъ воззрѣній, преданій и обычаевъ, можно сказать, еще только стало обращать на себя вниманіе образованнаго общества. Сознаніе важности этой новой научной области мало по малу стало заинтересовывать большій и большій кругъ читателей. Съ легкой руки гг. Кирѣевскаго и Рыбникова, съ такимъ патріотизмомъ предавшихся собиранію народныхъ былинъ и стиховъ, почти каждый годъ появляются прекрасныя изданія памятниковъ народнаго творчества. Но осталась еще одна область, на которую не было обращено должнаго вниманія собирателями,—это народныя причитанія и заплачки.

Этотъ пробѣлъ восполненъ теперь прекраснымъ сборникомъ, изданнымъ г. Барсовымъ. Въ изданіяхъ гг. Рыбникова, Кирѣевскаго, Безсонова, Шейна, хотя и встрѣчались иногда краткіе стихи съ характеромъ плачей, но они попадали туда скорѣе случайно и между прочимъ, такъ какъ собиратели главнымъ образомъ обращали вниманіе на былины и духовные стихи: г. Барсовъ задался задачею собрать именно одни только плачи, и ему удалось исполнить свою задачу какъ нельзя лучше. Изъ слѣдующаго перечня плачей видно, какой богатый матеріалъ предлагается въ изданіи г. Барсовымъ сборникѣ. Сюда вошли плачи: вдовы по мужѣ, дочери по отцѣ (2 пл.), дочери по матери (2 пл.); плачъ по женѣ, сынѣ, дочери, крестницѣ, роднымъ братѣ, се-

стрѣ, дядѣ родномъ, братѣ двоюродномъ, дядѣ двоюродномъ, сватѣ; плачи: по убитомъ громомъ—молніей, утопшемъ (2 пл.), по упьянсливой головушкѣ, старостѣ, попѣ, отцѣ духовномъ. Кромѣ того присоединены статьи, весьма нелишнія при изданіяхъ подобнаго рода: погребальные обычаи на сѣверѣ Россіи, свѣдѣнія о вопленицахъ, отъ которыхъ записаны причитанья и, наконецъ, сѣверно-русскій словарь.

Хотя причитанья записаны въ позднѣйшее время и носятъ на себѣ характеръ, сложившійся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ вѣрованій—христіанскихъ, тѣмъ не менѣе они драгоцѣнны для всякаго интересующагося народными воззрѣніями, бытомъ, самосознаніемъ. Въ нихъ, не смотря на позднѣйшія наслоенія, иногда довольно ярко выступаютъ черты древнѣйшихъ вѣрованій, ведущихъ свое начало отъ эпохи языческой. Эта сторона, конечно, одна изъ важныхъ, если не самая важная, въ этихъ произведеніяхъ народнаго творчества. Пользуясь трудами г. Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» и г. Котляревскаго «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ», мы постараемся указать и прослѣдить въ плачахъ отголоски тѣхъ вѣрованій, которыя составляютъ одну изъ сторонъ общеславянскаго міросозерцанія.

Ни одно явленіе въ области физической не возбуждало столько разнообразныхъ воззрѣній, какъ переходъ человѣка отъ жизни къ смерти. Явленія природы, не смотря на всю таинственность причинъ, ихъ вызывающихъ, были болѣе понятны для человѣческаго разума, такъ какъ они были доступны его внѣшнимъ чувствамъ. Но нельзя сказать того о смерти: здѣсь человѣкъ видѣлъ предъ собою одинъ только бездыханный трупъ, а затѣмъ оставалась цѣлая область догадокъ и предположеній самаго разнообразнаго свойства.

Живя тѣсною жизнію со всею окружающею природою, считая себя членомъ одной великой міровой семьи, человѣкъ долженъ былъ руководствоваться въ своихъ воззрѣніяхъ лишь только тѣмъ, что давали ему внѣшнія

чувства. Перемѣны времень года, смѣны дня ночью, такъ часто и такъ ощутительно дававшія себя чувствовать человѣку, послужили основою его воззрѣній и на свою собственную жизнь. Подобно тому, какъ въ солнцѣ, доставлявшемъ теплоту и свѣтъ, человѣкъ видѣлъ источникъ своей собственной и всей окружающей природы, такъ въ отсутствіи солнца, свѣта и теплоты онъ видѣлъ причину зимняго омертвенія природы и распространенія мрака ночью. Когда человѣкъ умираетъ, то онъ лишается той внутренней силы, которая прежде оживляла его. Отсюда составилось воззрѣніе, отождествляющее жизнь съ свѣтомъ и теплотою, смерть съ мракомъ и холодомъ. Такое представленіе обще всѣмъ славянскимъ племенамъ. Въ Краледворской рукописи ночь является синонимомъ смерти: о убитомъ Власлявѣ говорится, что Морана (=богиня смерти) «усыпила его въ черную ночь». По представленіямъ Чеховъ, Могила была богинею и смерти и зимы. Согласно съ этимъ представленіемъ и жизнь, живительная сила, душа, олицетворялись въ образѣ свѣта, теплоты, огня. Тѣло бездыханно, слѣдовательно оно теряетъ тотъ внутренней свѣтъ, огонь, которые давали ему жизнь до сихъ поръ. Отсюда—представленіе души въ образѣ свѣта, огня По представленію Чеховъ, надъ могилами усопшихъ летаютъ огни, въ которыхъ они видятъ души грѣшниковъ, или же души некрещенныхъ младенцевъ. [1]) У Грековъ смерть изображалась съ потухшимъ факеломъ. [2]) У Германцевъ существуетъ сказаніе, по которому смерть водила одного врача въ подземный адъ: тамъ увидѣлъ онъ множество свѣтильниковъ, то погасавшихъ, то вновь воспламеняющихся, которые были, какъ объяснила ему смерть, не что иное, какъ души людей, или ихъ жизнь: который свѣтильникъ погаснетъ, тому человѣку умереть. [3]) На этомъ древнѣйшемъ представленіи основано множество примѣтъ

[1]) Аѳанасьевъ III, 198.
[2]) Ibid. 201.
[3]) Ibid. 201—203.

и повѣрій, которыя продолжаютъ существовать даже въ наше время. Напр. если во время вѣнчанія у жениха или невѣсты потухнетъ свѣча, то тому, у кого это случится, предвѣщается скорая смерть; у кого во время обряда сгоритъ больше свѣчи, тому скорѣе и умереть. [4]) До сихъ поръ употребляющаяся дѣтьми игра, извѣстная подъ названіемъ *курилки*, имѣетъ въ своей основѣ именно это первобытное воззрѣніе. У кого изъ играющихъ или гадающихъ погаснетъ зажженная лучина, тотъ скорѣе и умретъ. Вѣроятно на этомъ же воззрѣніи основанъ былъ древнѣйшій обрядъ сожиганія труповъ: чрезъ сожженіе тѣло теряло свой внѣшній покровъ и соединялось опять съ душею или же поглощалось ею. Эта таинственная связь смерти съ темнотою и мракомъ, и жизни или души съ свѣтомъ и огнемъ запечатлѣна языкомъ. Слова: *смерть*, *моръ*, *умирать*, въ основѣ своей имѣютъ общій корень съ словами: *мракъ*, *мерцать*, *померкнуть*. Ту же близкую связь мы видимъ и въ выраженіяхъ: *воскресать*, *огонь*. Разложивши слово *воскресать*, *воскрьснѫти*, на его составныя части, мы получимъ корень *жрес*, который означаетъ огонь. [5]) Такъ какъ огонь, какъ мы видѣли, былъ синонимомъ жизни, души, то «воскресать», означая собственно воспламенепіе огня, употребляется у насъ уже въ смыслѣ не первобытномъ, а позднѣйшемъ, переносномъ: оно значитъ вторично воспринять жизнь.

По другому представленію, болѣе позднѣйшему, смерть есть *сонъ*. Оно явилось какъ слѣдствіе упомянутаго нами первобытнаго воззрѣнія. Если смерть есть мракъ, темнота, то она есть вмѣстѣ и сонъ, въ который погружаетъ природу этотъ мракъ. Самый актъ сна, въ который погруженъ человѣкъ напоминалъ всѣми своими признаками смерть, которая точно также лишала человѣка чувствительности и возможности проявлять свои внутреннія ощущенія. Отождествленіе смерти со сномъ,

---

[4]) Аѳанасьевъ. 199.

[5]) Буслаевъ. О вліяніи хр. на слав. яз. стр. 69.

или, по крайней мѣрѣ, вѣру въ ихъ близкую связь между собою, мы встрѣчаемъ еще у Грековъ. Гомеръ называетъ Смерть и Сонъ близнецами, а Гезіодъ—чадами Ночи. Греки и Римляне признавали Ὕπνος—Somnus братомъ Смерти: оба брата живутъ на западныхъ границахъ міра —въ глубокомъ подземномъ мракѣ возлѣ царства мертвыхъ; тамъ лежитъ Somnus на маковыхъ снотворныхъ цвѣтахъ въ сладкомъ покоѣ, а вокругъ его ложа толпятся легкія сновидѣнія въ неясныхъ образахъ. [6]) Выраженія, влагаемыя русскими сказками въ уста богатырей, воскресающихъ отъ смерти, доказываютъ существованіе подобныхъ же воззрѣній и у славянскихъ племенъ. Обыкновенно богатырь или сказочный герой, получая снова жизнь отъ окропленія живою водою, говоритъ: «ахъ, какъ же я долго спалъ!» Въ изданныхъ г. Барсовымъ плачахъ также находятся указанія на такое вѣрованіе. Подобно тому, какъ звукъ колокола пробуждаетъ человѣка отъ сна, такъ онъ, по народнымъ воззрѣніямъ, можетъ пробудить его и отъ смерти. Оплакивая смерть матери, дочь обращается съ плачемъ къ вѣтру:

«Возбушуйте вѣтры буйныи
«Со всѣхъ ли четырехъ сторонъ,
«Понеситесь вы къ Божьей церквы,
«Размечите вы сыру землю,
«Вы ударьте въ большой колоколъ,
«Разбудите мою матушку. [7])

Въ плачѣ дочери по отцѣ говорится:

«Стань, пробудись, мой родимый батюшко,
«Отъ сна отъ крѣпкаго,
«Отъ крѣпкаго сна, отъ мертваго». [8])

Народныя выраженія понятій сна и смерти въ словѣ тождественны. О умершемъ выражаются такъ, какъ будто онъ дѣйствительно не умеръ, а спитъ: его называютъ усопшимъ, покойникомъ, т. е. какъ бы уснувшимъ

---

[6]) См. сноски у Аѳан. III, 36.
[7]) Прич. 68, 18—23.
[8]) Прич. 59, 24—26.

или упокоившимся на время. Такое убѣжденіе въ тѣсной, братской связи смерти и сна дало основу многимъ примѣтамъ, а также вѣрованію въ таинственное значеніе сновъ.

Такъ понимался и объяснялся нашими предками самый актъ смерти. Но вмѣстѣ съ этимъ народному сознанію слѣдовало объяснить и ту невидимую таинственную силу, которая причиняетъ человѣку смерть. Эта невидимая сила тоже носитъ названіе смерти. Народное сознаніе не могло представить себѣ ее иначе, какъ олицетворенною въ какомъ либо видимомъ, внѣшнемъ образѣ. Самыя выраженія: «Смерть похитила, Смерть унесла», указываютъ на то, что въ народныхъ воззрѣніяхъ на смерть, послѣдняя представлялась какимъ-то таинственнымъ существомъ, способнымъ похитить жизнь у того или другаго человѣка. Образы, въ которыхъ олицетворялась Смерть, чрезвычайно разнообразны. Нѣтъ сомнѣнія, что самыя древнѣйшія представленія смерти были тѣ, по которымъ Смерть являлась къ человѣку въ видѣ какой нибудь птицы. Эти представленія ведутъ свое начало отъ того первобытнаго періода, когда человѣкъ жилъ одною жизнію съ животными, и въ дѣйствіяхъ послѣднихъ видѣлъ объясненіе непонятныхъ для него законовъ природы. Не смотря на позднѣйшій характеръ причитаній, въ нихъ можно найти отголоски этого древнѣйшаго вѣрованія. Чаще всего встрѣчаются олицетворенія смерти въ образѣ чернаго ворона: въ плачѣ вдовы по мужѣ говорится о смерти такъ:

«Потихошеньку она (смерть) да подходила,
«И чернымъ ворономъ въ окошко залетѣла. [3])

Иногда она принимаетъ также видъ «малой пташечки» или сизаго голубка.

«Ноньку-ко крадци пришла скорая смеретушки,
«Пробралась въ наше хоромное строеньице,
«По пути она летѣла чернымъ ворономъ,

---

[3]) Прим. Сѣв. края, 3, 42—43.

«Ко крылечку прилетала малой пташечкой,
«Во окошечко влетѣла сизымъ голубкомъ. [10])

Согласно съ отождествленіемъ понятій смерти и ночи, смерть похищаетъ свою жертву ночью. Въ плачѣ о дядѣ двоюродномъ племянница съ горестію воспоминаетъ послѣднія минуты жизни своего родственника: проводя почти всю ночь у постели больнаго, она плачетъ:

Подъ раннюю зорю да во подъ утренну
Повышла на новы сѣни рѣшетчаты,
Отворила крылечико переное,
Отодвинула дверь да тутъ дубовую,
Откуль возмись перелетна эта птиченька,
Заблудяща, може, птиченька заморская;
Посмотрѣла я побѣдная головушка,
Аль сорока эта птица поскакучая,
Аль вороница она да полетучая;
Анъ злодѣй эта—скорая смеретушка. [11])

Въ болѣе позднiй періодъ развитія человѣческаго самосознанія мѣсто птицъ въ олицетвореніяхъ смерти занимаютъ образы человѣческіе. Смерть является или въ образѣ молодой жены, красной дѣвушки, или въ образѣ колѣки перехожей: въ послѣднемъ случаѣ нельзя не видѣть вліянія духовныхъ стиховъ. Въ плачѣ вдовы по мужѣ Смерть идетъ

По крылечку ли она да молодой женой,
По новымъ ли сѣнямъ да красной дѣвушкой,
Аль калѣкой она шла да перехожею, [12])

Образъ калѣки перехожей, питающейся милостынею, а ночь проводящей въ домахъ добрыхъ людей, былъ перенесенъ на тайнственный образъ смерти. По народнымъ воззрѣніямъ, Смерть можетъ приходить съ синя моря голодной, съ чиста поля холодной, можетъ стучаться у дубовыхъ дверей, проситься у окошечка. [13]) Употреб-

[10]) Причит. Сѣвер. Края 167, 66—70.
[11]) Ibid. 211, 79—88.
[12]) Ibid. 2, 35—37.
[13]) Ibid. 2, 38—41.

леніе слова «калѣки перехожей» въ женскомъ родѣ, при существованіи формы мужескаго рода, и сопоставленіе этой формы рядомъ съ выраженіями: молодая жена, красная дѣвушка, указываютъ на общераспространенное олицетвореніе смерти въ женскомъ образѣ. Оно удерживается и въ другихъ памятникахъ народнаго творчества. Какъ женщина, Смерть, въ нѣмецкихъ сказкахъ, является кумою, выходитъ замужъ. [13]) Въ другихъ народныхъ сказаніяхъ образъ прекрасной женщины, въ которомъ олицетворялась Смерть, замѣняется безобразнымъ образомъ скелета. Превращеніе, вслѣдствіе кончины, человѣческаго тѣла въ скелетъ, подало поводъ соединить съ послѣднимъ образъ смерти. Къ этому образу народная фантазія присоединила аттрибуты, заимствованные изъ древнѣйшаго человѣческаго быта. Смерть является или съ косою, серпомъ, граблями, заступомъ (указаніе на бытъ земледѣльческій), или, какъ въ нѣмецкой поэзіи, съ стрѣлами и бердышемъ (на бытъ охотничій), или же съ мечемъ и копьемъ въ рукахъ (на позднѣйшій бытъ, воинскій). Въ сказкахъ Смерть дѣйствуетъ открыто, прямо объявляетъ своей жертвѣ ожидающую ее судьбу; въ причитаніяхъ она дѣйствуетъ большею частію тайно, подкрадываясь. Выраженія: «она (смерть) крадчи шла, злодѣйка, лиходѣйца, она тихо ко постели подходила, она крадчи съ грудей душу вынимала», въ причитаніяхъ употребляются весьма часто. [14])

Въ связи съ представленіемъ Смерти, какъ существа прожорливаго, ни предъ чѣмъ не останавливающагося, чтобы похитить свою жертву, какъ это развито въ русской сказкѣ объ Аникѣ воинѣ, [15]) составилось убѣж-

---

[14]) Прич. 61, 8; 212, 90.

[15]) Встрѣтившись со Смертію, Аника напускаетъ на нее своего борзаго коня, хочетъ поднять ее на копье булатное; но рука не двигается. Напалъ на него великій страхъ, и говоритъ Аника воинъ: «Смерть моя—Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». Аника проситъ сроку хоть на три мѣсяца, хоть на три дня, хоть на

деніе о возможности подкупить Смерть въ свою пользу, чѣмъ нибудь задобрить ее, чтобы предотвратить угрожающую человѣку судьбу, удовлетворить ея прожорливости чѣмъ либо инымъ, а не жизнью человѣка, столь дорогой для него. Въ причитаніяхъ этотъ выкупъ стоитъ въ связи съ позднѣйшимъ вѣрованіемъ, по которому Смерть можетъ являться въ домъ въ образѣ калики перехожей. Какъ пришедшую въ домъ калику стараліись напоить, накормить изъ побужденій чисто нравственно-религіозныхъ, такъ и явившуюся за своею жертвою Смерть думали подкупить въ свою пользу, накрывъ ей столы дубовые, постлавъ скатерти тонко браныя, положивъ видки золоченыя, востры ножички булатные, предложивъ ей ѣствушки сахарныя, питье медвяное и проч. Но Смерть не прельщается никакимъ выкупомъ: ей не надо ни скотинушки, ни коня добраго, ни златой казны безсчетной: она не брезгуетъ ни нищимъ, ни прохожимъ, ни бѣднымъ, ни убогимъ. [16])

единый часъ,—Смерть не соглашается. Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвый. Аѳан. Русск. Нар. Легенды, 21.

[16]) Проводимъ это замѣчательное мѣсто плача цѣликомъ:

Кабы видѣли (вопитъ вдова по мужѣ) злодѣйную смеретушку.

Мы бы ставили столы да ей дубовыи,
Мы бы стлали скатерти да тонко браныя,
Положили бы ей видки золоченыя,
Положили бъ востры ножички булатныи,
Нанесли бы всякихъ ѣствушекъ сахарныихъ,
Наливали бы ей питьица медвяного,
Мы садили бы тутъ скорую смеретушку,
Какъ за этыи столы да за дубовыи,
Какъ на этыи на стульица кленовыи,
Отходяща бы ей низко поклонилися,
И ласково бы ей тутъ говорили:
«Ай же, вѣдь скоран смеретушка!
«Отъ Господа Распятаго, знать, создана,
«Отъ Владыки на сыру, знать, землю послана
«За бурлацкиа удалыа головушкамъ;

Не смотря, впрочемъ, на всю рѣшительность, неумолимость и неотвратимость постигающей человѣка участи, въ плачахъ не разъ встрѣчаются обращаемыя къ смерти мольбы и уговариванія—итти на сине море, во чисто поле. [17])

Теперь переходимъ къ народнымъ воззрѣніямъ на душу.

Самое названіе души, отъ глагола *дуть* и существительнаго *духъ*, указываетъ на тотъ первоначальный и древнѣйшій образъ, въ которомъ Славяне представляли себѣ эту вторую часть человѣческаго существа. Душа представлялась въ образѣ вѣтра, дуновенія, частицы воздуха. Такое представленіе было обще всѣмъ индо-

---

«Ты возми, злодѣй-скорая смеретушка,
«Не жалѣю я гулярна, цвѣтна платьица;
«Ты жемчужную возми мою подвѣсточку,
«Съ сундука подамъ платочки левантеровы,
«Со двора возми любимую скотинушку.
«Я со стойлы-то даю да коня добраго,
«Со гвоздя даю тѣ уздину тесмяную,
«Я сидѣлышко дарю тіѣ черкаское,
«Золотей казны даю тіѣ по надобью:
«Не бери только надежноей головушки,
«Не сироть столько сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
«Не слеми меня побѣдноей головушки.
Отвѣчала злодѣй-скорая смеретушка:
—Я не ѣмъ, не пью въ домахъ да вѣдь крестьянскіихъ,
—Мнѣ не надобно любимоей скотинушки,
—Мнѣ со стойлы-то не надо коня добраго;
—Мнѣ не надо златой казны безсчетноей,
—Не за тѣмъ я у Владыки—Свѣта послана:
—Я беру да злодѣй-скорая смеретушка
—Я удалыя бурлацкія головушки;
—Я не брезгую вѣдь смерть да душегубица
—Я не нищіимъ вѣдь есть да не прохожіимъ,
—Я не бѣднымъ не брезгую убогімъ.
Причит. стр. 3—4.

[17]) Причит. стр. 167, 59—65.

европейскимъ народамъ, что доказывается сохранившимися до насъ названіями души въ языкахъ Санскритскомъ, Греческомъ и Латинскомъ. По-латыни душа—anima, animus, откуда animal, животное вообще; по-гречески ἄνεμος духъ, душа, а также вѣтръ; въ санскритѣ душа âtma, вѣтръ anila образовались отъ одного корня an—дуть, дунуть. Это древнѣйшее воззрѣніе отражается въ Библейскомъ сказаніи о сотвореніи Богомъ человѣка, по которому Богъ *вдуну* въ человѣка дыханіе жизни. Въ народныхъ повѣрьяхъ вѣтръ весьма часто отождествляется съ душами умершихъ людей; въ завываніяхъ вѣтра слышатъ плачи и стоны скитающейся души. [18])

Въ связи съ этимъ вѣрованіемъ находится представленіе души въ образѣ дыма или пара. Дымъ или паръ—тотъ же воздухъ, вѣтръ, только болѣе чувственно могутъ быть они познаны, такъ какъ подлежатъ ощущенію внѣшнихъ чувствъ: зрѣнія и обонянія. Весьма естественно было народному сознанію перейти къ этому представленію; оно по крайней мѣрѣ могло удовлетворять пытливости внѣшнихъ чувствъ, такъ какъ подъ душою разумѣлось собственно физическое вдыханіе или выдыханіе воздуха или пара. Въ Софійскомъ Временникѣ (II, 333) о смерти великаго князя Василія Ивановича говорится: «и видѣ Шигона духъ его отшедше, аки дымецъ малъ».

Если душа представлялась въ видѣ пара и дыма, то такъ же она, по народнымъ воззрѣніямъ, могла имѣть и видъ облака:

«Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ ликовалася,
«Бывъ, какъ облако она да подымалася.
Прич. 205, 20—21.

О третьемъ представленіи души, какъ огня, мы уже говорили выше. По четвертому представленію, душа сближается съ звѣздою. Это сближеніе могло произойти изъ представленія звѣздъ искрами огня. До сихъ поръ существуетъ повѣрье, что каждый человѣкъ имѣ-

[18]) Аѳан. III, 211.

етъ на небѣ свою звѣзду, которая въ тотъ моментъ, когда онъ умираетъ, падаетъ съ неба. Обыкновенно, увидя падающую звѣзду, говорятъ, что кто-либо умеръ. Если душа есть звѣзда или сродна ей по своей сущности, то, по смерти человѣка, освободившись отъ своего временнаго жилища, она должна возвратиться туда, откуда пришла, т. е. къ свѣтиламъ, звѣздамъ, на небо. Остатки этого вѣрованія сохранились въ плачахъ. Оплакивая свою крестную дочь, мать причитаетъ:

Удалилась моя бѣлая лебедушка
За горушки она за высокія,
За облачка она за ходячіи,
Къ красну солнышку дѣвица во бесѣдушку,
Къ свѣтлу мѣсяцу она въ приберегушку. [19])

Въ другомъ плачѣ—племянницы по дядѣ двоюродномъ говорится:

«Пріукрылся нашъ желанной, родной дядюшка,
«Онъ за темныи лѣса за дремучіи,
«За высокія горы за толкучія,
«За синіи моря да за глубокіи,
«Вровень съ облачкамы онъ да со ходячима,
«Колуны онъ нашъ свѣтъ да подвосточной. [20])

Затѣмъ переходимъ къ вѣрованію, весьма распространенному у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, по которому душа по смерти человѣка могла принимать на себя образы различныхъ животныхъ. Миѳъ о переселеніи человѣческихъ душъ въ животныхъ ведетъ свое начало отъ глубокой древности, съ того именно времени, когда въ народномъ сознаніи сложилось убѣжденіе о животныхъ, какъ существахъ способныхъ превратиться въ человѣка, и наоборотъ, способныхъ принять его въ свое существо. Вѣра въ переселеніе душъ составляетъ существенный мотивъ восточной миѳологіи. Пропасть, отдѣляющая человѣка отъ животныхъ, не существовала и не была такъ примѣтна въ дѣтскій періодъ человѣческой

[19]) Прич. 131, 133, и т. д.
[20]) Ibid. 211, 54—59.

жизни, точно также какъ и теперь въ сознаніи ребенка не существуетъ тѣснаго различія между нимъ и животнымъ, съ которымъ онъ обращается какъ съ равнымъ себѣ. Въ восточной миѳологіи само божество принимало на себя образъ животныхъ и птицъ, и въ знакомомъ, близкомъ человѣку видѣ, приходило для разговора съ нимъ. Въ индійской поэмѣ Магабгаратѣ разсказывается преданіе о царѣ Узинарѣ, къ которому, для испытанія его добродѣтелей, прилетали два божества: богъ неба—Индра въ видѣ ястреба, и богъ огня—въ видѣ голубя. Вообще у индоевропейскихъ народовъ въ этомъ миѳѣ, какъ и въ миѳѣ о сотвореніи земли, первое мѣсто занимаютъ птицы. Млечный путь, по поэтическому созерцанію Финновъ и Литовцевъ, означаетъ дорогу птицъ, т. е. человѣческихъ душъ, въ нихъ заключенныхъ. Въ преданіяхъ индоевропейскихъ народовъ мы находимъ вѣрованіе въ переселеніе душъ въ различныхъ животныхъ за воровство: такъ, по закону Ману, укравшій корову, переселялся въ ящерицу, похитившій огонь—въ птицу. У Германцевъ существуетъ повѣрье, что когда тонетъ корабль, то души утопшихъ подымаются изъ воды и возносятся на небо въ образѣ бѣлыхъ голубей. У Чеховъ сохраняется повѣрье, что душа праведнаго человѣка вылетаетъ изъ тѣла бѣлымъ голубемъ, а душа грѣшнаго—чернымъ (темнымъ). Литовцы вѣрятъ въ переселеніе душъ въ соловья и жаворонка. На основаніи такого воззрѣнія составилось убѣжденіе, что крикъ нѣкоторыхъ птицъ—*ворона*, совы, предвѣщаетъ чью либо смерть.

Вѣра въ переселеніе душъ въ животныхъ послужила основою другаго убѣжденія,—что человѣкъ можетъ принимать видъ животнаго и изъ животнаго превращаться обратно въ человѣка. Въ древнѣйшую эпоху вѣра въ способность превращенія соединялась преимущественно съ существами стихійными—вѣтрами, облаками, которые олицетворялись то въ образѣ птицъ, то въ образѣ животныхъ: коней, собакъ, волковъ и другихъ. Въ послѣдствіи это представленіе было перенесено и на людей. Сдѣлаться *вовкулакомъ* могъ какъ тотъ

дѣй, колдунъ, такъ и простой человѣкъ, если онъ употребитъ извѣстныя, къ тому располагающія, чары. Достаточно напр. было надѣть одну только шкуру волка, чтобы превратиться въ него на извѣстное время (9 дней, 3, 7, 9 лѣтъ). Подобное представленіе сохранилось до насъ и въ Словѣ о Полку Игоревѣ, которое такъ выражается о Всеславѣ: Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше... великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше.» Въ сказкѣ о царѣ Китоврасѣ говорится, что онъ обладалъ способностью обертываться волкомъ. Древній русскій стихъ представляетъ своего героя обладающимъ способностью превращаться въ различныхъ животныхъ: Волхъ Всеславичъ, по его сказанію, учился премудростямъ: обертываться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ, гнѣдымъ туромъ—золотые рога. Превращенія могли совершаться и въ другихъ животныхъ: медвѣдей, лошадей, собакъ и проч. Повѣрье о превращеніи въ птицъ также весьма распространено у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Въ Германіи вѣрятъ, что колдуны могутъ оборачиваться въ ворóновъ, а колдуньи въ воронь. Въ памятникахъ русской народной поэзіи весьма часто встрѣчаются эпизоды о превращеніи женщинъ въ лебедей и кукушекъ. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ встрѣчаются указанія на то и другое повѣрье. Въ украинскихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ множество выраженій, доказывающихъ, что хотя съ послѣдствіи самое вѣрованіе и исчезло, но языкъ сохранилъ ту форму, въ которую оно облеклось народнымъ сознаніемъ: «чрезъ темный лѣсъ яснымъ соколомъ лети, чрезъ быстрыя воды бѣлымъ лебедемъ плыви, чрезъ степи далекія перепелочкомъ бѣги, на моемъ подворьѣ ты голубчикомъ поди» и т. д.

Обращаясь къ плачамъ, мы видимъ, что вѣрованіе въ превращеніе души человѣка въ животныхъ или птицъ сохраняется и до сихъ поръ. Намъ удалось встрѣтить здѣсь слѣдующіе образы, въ которыхъ народная фантазія думала видѣть души умершихъ людей: сѣрый заяцъ, горностай, чорная галка, пташка, ясный соколъ, сизый

голубь, сѣрая утушка. Оплакивая покойника, плакальщицы выражаютъ желаніе видѣться съ нимъ и по смерти, хотя бы онъ явился и не въ томъ образѣ, какой имѣлъ при жизни:

«Покажись—приди надежная головушка,
«Хоть съ-подъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
«Изъ-подъ камышка явись да горностаюшкомъ. [21])

Въ другомъ мѣстѣ:

«Хоть съ погоста прилети да черной галочкой,
«Перелетной покажись да малой пташечкой,
«Хоть съ-подъ кустышка явись да сѣрымъ заюшкомъ. [22])

Въ плачѣ о дядѣ родномъ:

«Появись - приди надежная головушка,
«Хоть съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,
«Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
«Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой. [23])

Происхожденіе вѣрованія въ переселеніе душъ умершихъ въ птицъ, или вообще въ животныхъ, г. Аѳанасьевъ объясняетъ такъ: «въ отдаленные вѣка язычества молніямъ придавался миѳическій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ—птицы; душа человѣческая роднилась съ тѣми и другими стихійными явленіями и, разлаваясь съ тѣломъ, могла принимать тѣже образы, какіе давались грозовому пламени и дующимъ вѣтрамъ. Къ этому воззрѣнію примкнула еще слѣдующая мысль: послѣ кончины человѣка, душа его начинала новую жизнь; кромѣ естественнаго рожденія, когда человѣкъ является въ свѣтъ съ живою душою, эта послѣдняя, въ таинственную минуту его смерти, какъ бы снова, въ другой разъ, нарождалась къ иной жизни

---

[21]) Прич. 19, 19—21.
[22]) Прич. 65, 19—21.
[23]) Ibid 17, 4 71—74.

—замогильной. [24]) Тоже самое слѣдуетъ приложить и къ объясненію вѣрованія въ переселеніе душъ усопшихъ въ другихъ животныхъ: зайца, какъ въ плачахъ, или кошки, собаки, свиньи, теленка, по другимъ памятникамъ народной поэзіи. Заяцъ и другія животныя служили для обозначенія разящихъ молній, а такъ какъ душа представлялась въ образѣ огня, который имѣетъ близкое сродство съ молніей, то на нее и было перенесено въ послѣдствіи представленіе, соединявшееся сперва съ одною только молніею. [25]) Во-вторыхъ, такъ какъ душа, какъ выше было показано, олицетворялась въ образѣ вѣтра, воздуха, а вѣтры, въ свою очередь, представлялись въ образѣ животныхъ (коней, волковъ, оленей, собакъ, свиней), то народной фантазіи весьма естественно было перенести эти образы и на душу человѣка.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на связь плачей съ другими памятниками народной поэзіи. Какъ произведенія одного и того же источника—народной фантазіи, который создалъ былины, пѣсни, сказки, пословицы и проч., похоронныя причитанья, уже по одному этому не могутъ стоять особнякомъ въ обширномъ циклѣ народной литературы. Мы уже видѣли, что главныя, основныя воззрѣнія причитаній, воззрѣнія на смерть и душу, вполнѣ соотвѣтствуютъ воззрѣніямъ выражающимся въ другихъ народныхъ произведеніяхъ. Теперь мы постараемся указать другія черты, по которымъ причитанія стоятъ съ ними въ такой же тѣсной связи.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ насъ тотъ демоническій характеръ, съ какимъ изображается въ плачахъ Горе-Злосчастіе. Не рѣшая вопроса о томъ, какое значеніе имѣлъ образъ Горя-Злосчастія въ сознаніи народномъ, было-ли это простое олицетвореніе извѣстнаго нравственнаго понятія или же это есть образъ какого-то миѳическаго существа, мы обратимъ вниманіе на тѣ черты, которыми характеризуется оно въ плачахъ.

---

[24]) Поэтич. воззр. т. III, 214—215.
[25]) Ibid. 301 и далѣе.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

Какъ извѣстно, поэтическое изображеніе Горя весьма нерѣдко служитъ предметомъ народныхъ пѣсней, легендъ, сказокъ: оно зашло даже въ нашу книжную литературу и въ 1856 году г. Пыпинымъ въ рукописи XVII—XVIII в. было открыто одно древнее стихотвореніе, содержаніе котораго составлялъ разсказъ: «Какъ Горе Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ». [26]) По нѣкоторымъ чертамъ, образъ Горя-Злосчастія какъ онъ поэтически представленъ въ этой повѣсти, сходенъ съ образомъ, изображаемомъ въ плачахъ. Въ повѣсти Горе—Злосчастіе представляется какою-то невидимою силою, которая преслѣдуетъ неизвѣстнаго молодца на каждомъ шагу его жизни. Сперва оно является молодцу въ образѣ названнаго брата, прельщаетъ его прелестными рѣчами и заставляетъ пить зелено вино. Молодецъ понадѣялся на своего названнаго брата: принимался онъ за питья за пьяныя, упился онъ безъ памяти, а гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился. Вечеромъ отъ сна молодецъ пробуждается и видитъ: сняты съ него драгіе порты, чары и чулочки—все посиманно, имущество

---

[26]) Повѣсть найдена въ рукописи Императорской Публичной библіотеки. По вопросу: какое значеніе имѣлъ поэтическій образъ Горя-Злосчастія въ сознаніи народномъ,—было высказано два мнѣнія: одно профессоромъ Буслаевымъ, другое—г. Костомаровымъ. Проф. Буслаевъ говоритъ: «Какъ Правда, которая улетаетъ на небо, и Кривда, которая пошла по всей землѣ, воспѣваемыя въ стихѣ о Голубиной книгѣ, суть олицетворенія нравственныхъ понятій, или какъ Злодѣй-Тоска въ извѣстной русской пѣснѣ; такъ и Горе-Злосчастіе есть только поэтическій образъ, а не миѳологическое существо. Старинное вѣрованіе Славянъ въ судьбу или встрѣчу нисколько не уполномочиваетъ насъ видѣть въ Горѣ-Злосчастіи языческое или полуязыческое божество; точно также, какъ смерть и дьяволъ въ гравюрѣ Альбрехта Дюрера, или какъ классическій Купидонъ и Госпожа Смерть въ французской поэмѣ—только поэтическіе образы, въ которыхъ выражены нравственныя понятія эпохи, а не миѳическія силы, которымъ поклонялись нѣмецкій живописецъ и французскій поэтъ. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы и миѳоло-

его ограблено, а названнаго брата нѣтъ. Идетъ молодецъ съ горя не къ отцу и матери, а въ чужую сторону: попадаетъ онъ на честной пиръ, разсказываетъ о своемъ несчастіи и получаетъ совѣтъ, какъ должно жить. Послушался молодецъ добраго совѣта, разбогатѣлъ и вздумалъ жениться. Но Горе и тутъ мѣшаетъ его планамъ: оно является ему во снѣ, наговариваетъ на его невѣсту, что та хочетъ отравить его, и совѣтуетъ искать отрады въ винѣ. Молодецъ сперва было не послушался, но Горе явилось ему въ образѣ архангела Гавріила, и молодецъ соблазнился. Пропивъ все свое имущество, молодецъ въ отчаяніи хочетъ утопиться, но Горе и тутъ ему мѣшаетъ, чтобы подвергнуть его еще большимъ мученіямъ. Найдя себѣ пріютъ у перевозчиковъ, молодецъ опять встрѣчается съ Горемъ, которое сообщаетъ ему о своей неотвязчивости, противустоять которой внѣ силъ человѣка:

гическія картины Рафаэля или Рубенса принять въ источникъ классической миѳологіи XVI и XVII вѣка; или изъ нѣкоторыхъ аллегорическихъ изображеній венеціанскихъ живописцевъ вывесть то заключеніе, что они поклонялись миѳическому олицетворенію Венеціи въ образѣ роскошной женщины. Аллегорія, олицетвореніе и художественный символъ очень рано получили широкое развитіе въ христіанскомъ искусствѣ народовъ западныхъ. Дантъ уже ввелъ ихъ въ свою комедію, а современный ему живописецъ, Джіотто, изображалъ на стѣнахъ храмовъ олицетворенные въ человѣческихъ образахъ добродѣтели и пороки.»—Ист. Очер. I, 638—639.

Г Костомаровъ видитъ въ Горѣ-Злосчастіи миѳическое существо: олицетворенія отвлеченныхъ понятій общи всѣмъ народамъ въ извѣстный періодъ ихъ развитія и составляютъ существенную стихію всякой миѳологіи, когда она возвысится отъ неопредѣленнаго шаманства, безсмысленнаго страха таинственной неизвѣстной силы на степень антропоморфизма и свободнаго творчества образовъ..... Нигдѣ Горе не является такъ очерченнымъ, такъ опредѣлительнымъ, какъ въ нашей повѣсти: это какое-то мрачное божество, духъ злой, но справедливый, карающій человѣка за преступленіе и безразсудство, что-то въ родѣ Эвменидъ.»—Пам. стар. русск. лит. вып. I, стр. 11.

«Хоть кинься въ птицы воздушныя:
«Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою,—
«А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую. [27])

Далѣе повѣсть такъ поэтизируетъ эту неотвязчивость Горя-Злосчастія:

«Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
«А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
«Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
«А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
«Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
«А Горе за нимъ съ борзыми вѣжлецы;
«Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
«А Горе пришло съ косою вострою....
«Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
«А Горе за нимъ съ частыми неводами....
«Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
«А Горе подъ руку подъ правую:
«Научаетъ молодца богато жить,
«Убити и ограбити,
«Чтобы молодца за то повѣсили,
«Или съ камнемъ въ воду посадили. [28])

Одинъ только исходъ оставался молодцу, чтобы избавится отъ постоянно преслѣдовавшаго его Горя,—итти въ монастырь: Горе не дерзаетъ слѣдовать за нимъ туда, а остается у святыхъ воротъ.

Въ такихъ чертахъ изображается Горе этою повѣстью. Нельзя не замѣтить, что подъ поэтическимъ образомъ Горя здѣсь олицетворяются, кромѣ общаго вѣрованія народа въ непреложность судьбы, и тѣ силы и проявленія человѣческой души, отъ которыхъ зависятъ наши дѣла и поступки. Убѣждая молодца проводить жизнь въ пьянствѣ, Горе является олицетвореніемъ вообще соблазна, какому можетъ поддаться человѣкъ, живущій на свободѣ, а также олицетвореніемъ того мрачнаго состоянія духа, какое долженъ испытывать сынъ,

---

[27]) По изд. г. Костомарова въ Пам. стар. русск. лит. вып. I.
[28]) Пам. стар. р. лит. I, 8.

презрѣвшій наставленія своихъ родителей и покинувшій отеческій кровъ. Въ другой разъ когда молодецъ, на столько поправился въ своемъ внѣшнемъ благосостояніи, что рѣшился жениться, Горе является ему вослѣ и разбиваетъ всѣ его надежды. Здѣсь уже Горе служитъ олицетвореніемъ той вѣры и глубокаго убѣжденія въ пророческое значеніе сновъ, какія мы встрѣчаемъ и до сихъ поръ въ средѣ простаго народа. Но молодецъ не поддался обаянію этого зловѣщаго сна, такъ какъ онъ, какъ человѣкъ религіозный, не вѣритъ въ ихъ непреложность. Тогда Горе, чтобы подѣйствовать на его религіозныя убѣжденія, является въ образѣ архангела Гавріила. Этотъ образъ, принятый Горемъ, служитъ олицетвореніемъ тѣхъ религіозныхъ воззрѣній на практическую жизнь, которыя составились уже давно подъ вліяніемъ чтенія душеспасительныхъ книгъ, и которыя лежали въ основѣ нравственнаго идеала древнихъ подвижниковъ. Однимъ изъ главныхъ убѣжденій религіозныхъ людей было то, что нищета и лишенія суть двери, ведущія въ царство небесное: въ этомъ глубоко убѣжденъ былъ и молодецъ повѣсти о Горѣ-Злосчастіи, но только это убѣжденіе, въ то время, когда онъ наслаждался довольствомъ, не было имъ вполнѣ сознаваемо. Явившись молодцу, Горе старается вызвать изъ его сознанія это убѣжденіе и напоминитъ ему, что

«изъ рая босыхъ—нагихъ не выгонятъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Горе обращаетъ вниманіе молодца на его физическія силы, удаль, при помощи которыхъ онъ всегда можетъ пріобрѣсти себѣ богатство, и такимъ образомъ является также олицетвореніемъ внутренняго сознанія своихъ силъ и крѣпости воли. Рѣшившись утопиться, молодецъ опять встрѣчается съ неотвязчивымъ Горемъ, которое отговариваетъ его отъ такого поступка. Смыслъ словъ, обращенныхъ Горемъ къ молодцу, даетъ основаніе видѣть въ первомъ опять олицетвореніе внутренняго состоянія души человѣка, раскаивающагося въ своемъ упорствѣ къ родителямъ, и въ тѣхъ несчастіяхъ, какія его постигали, видящаго себѣ наказаніе, наказа-

ніе, которое для полнаго очищенія своей совѣсти, слѣдуетъ перенести мужественно, а не такъ слабо, чтобы явилась мысль о самоубійствѣ. Приведенныя затѣмъ нами выраженія повѣсти о погонѣ Горя за молодцомъ въ образѣ различныхъ животныхъ суть только олицетворенія той неизбѣжной роковой судьбы, какая преслѣдуетъ человѣка въ продолженіе всей его жизни, и вѣра въ которую составляетъ одинъ изъ существенныхъ мотивовъ суевѣрныхъ народныхъ воззрѣній. Способъ, который употребилъ молодецъ, чтобы избавиться отъ Горя,—поступленіе въ монастырь, даетъ другой смыслъ поэтическому образу Горя: это вообще земная суета и треволненія жизни, отъ которыхъ, по благочестивому воззрѣнію набожныхъ людей, служитъ спасеніемъ одинъ только монастырь: у вороть послѣдняго оставляютъ подвижники всѣ свои мечтанія житейскія, которымъ уже нѣтъ мѣста въ монашеской жизни. Такое объясненіе, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дать поэтическому образу, выведенному въ повѣсти подъ названіемъ Горя-Злосчастія.

Теперь мы переходимъ къ разбору той поэтической обстановки, въ какой является Горе-Злосчастіе въ плачахъ. Самый важный изъ плачей въ этомъ отношеніи—плачъ о писарѣ (288—292). Оплакивая писаря, кума проклинаетъ великое горюшко, унесшее ея заступника, стѣну городовую, какъ она выражается, и окидываетъ взоромъ ожидающее ея печальное будущее:

«Недай, Господи, на семъ дана бѣломъ свѣтѣ.

«Со досадой, этимъ горюшкомъ возитися,

заключаетъ она, и затѣмъ переходитъ къ Горю.

«Впереди злое горе уродилося,

«Впереди оно на свѣтѣ разселилося,

«Вы послушайте, народъ, люди—добрыи,

«Какъ, отколь въ мірѣ горе объявилося.

По воззрѣнію плакальщицы, происхожденіе Горя относится къ древнѣйшимъ временамъ: но, такъ какъ тогда

«Жили люди во всемъ мірѣ постатейныи,

«Они ду—друга люди не терзали,—

то и Горе ихъ боялось:

«Во темны лѣса отъ нихъ Горе кидалось.»

Изъ приведеннаго мѣста мы видимъ, что Горю приписываются слѣдующія черты: его древнѣйшее происхожденіе, *спереди*, какъ выражается плачъ, его боязнь людей, живущихъ въ мирѣ и согласіи и, наконецъ, его пребываніе въ темныхъ лѣсахъ. Вторая черта,—то, что Горе боялось мирно живущихъ людей,—указываетъ на его враждебный къ людямъ характеръ, на его противоположность всему мирному и согласному: это какая-то таинственная, невидимая сила, вносящая раздоры во взаимныя отношенія людей. Вѣра въ существованіе двухъ началъ, изъ которыхъ одно—свѣтлое, другое—темное, составляетъ существенную черту миѳологическихъ воззрѣній всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Эти два начала, постоянно враждебныя другъ другу и находящіяся между собою въ борьбѣ, составляли сущность какъ религіозныхъ убѣжденій, какъ напр. у Славянъ—Бѣлбогъ и Чернобогъ, такъ и убѣжденій нравственныхъ, а еще болѣе поэтическихъ воззрѣній на природу, по которымъ свѣтъ и тьма, день и ночь, лѣто и зима находятся между собою въ постоянной борьбѣ, ведущейся съ перемѣннымъ счастіемъ. Въ убѣжденіяхъ Славянъ, темное начало, отъ котораго происходятъ всѣ невзгоды: холодъ, мракъ, болѣзни, засуха, имѣетъ какой-то демоническій характеръ. Всѣ частныя черты, которыя сперва прилагались къ темному началу религіи отдѣльно отъ темнаго начала природы, впослѣдствіи соединились въ одинъ образъ—образъ нечистой силы. Принявъ во вниманіе выраженія, которыя въ плачѣ относятся къ Горю, мы не можемъ не видѣть въ послѣднемъ олицетворенія именно этой темной силы, лишь только съ нѣсколько спеціальнымъ оттѣнкомъ. Третья черта—что Горе кидалось въ темные лѣса,—еще болѣе подкрѣпляетъ наше предположеніе. По народнымъ воззрѣніямъ нечистая сила, какъ представительница темноты, живетъ въ темнотѣ, во мракѣ, а также въ лѣсахъ. У поляковъ существуетъ повѣрье, что дьяволъ, превращаясь въ сову, садится

на старой вербѣ, поэтому простолюдины боятся рубить это дерево, чтобы не подвергнуться гнѣву нечистой силы. [30]) Услыхавъ въ лѣсу таинственные звуки, поляки плюютъ на всѣ на четыре стороны, чтобы прогнать отъ себя нечистаго. Въ народномъ сознаніи лѣшіе отождествляются съ чертями. Сохранившіяся до насъ пословицы и поговорки: «поѣхалъ было въ лѣсъ, да попался въ стрѣчу бѣсъ;» «пришовъ з'лѣсу и идзи собѣ къ бѣсу»; «надъ чернымъ лѣсомъ спаткауся чортъ з'бѣсомъ»— достаточно говорятъ въ пользу этого воззрѣнія.

Пребываніе въ лѣсу оказалось для Горя неудобнымъ:

«Во осинѣ горькой листье разшумѣлося,
«Того злое это Горе устрашилося.»

Въ числѣ деревьевъ, имѣвшихъ таинственное обаяніе для первобытнаго человѣка, осина играетъ немаловажную роль. Не разсматривая тѣхъ воззрѣній, которыя народная фантазія соединяетъ съ дубовымъ, ясеневымъ деревьями и другими, мы обратимъ вниманіе на сказанія относящіяся къ осинѣ. На осину народъ смотрѣлъ какъ на дерево обладающее таинственною силою противодѣйствія злому началу. Она оказываетъ спасительное дѣйствіе какъ противъ видимыхъ вредныхъ вліяній на человѣка, такъ и противъ невидимыхъ. Она спасаетъ какъ отъ ядовитаго ужа, змѣя, такъ и отъ невидимыхъ чаръ колдуновъ и волшебниковъ. Убивъ змѣя, Добрыня, по Киршѣ Данилову, повѣсилъ его «на осину на кляплую:» «сушися ты, змѣй—Горынчище, на той-то осинѣ на кляплыя! [31]) Говорятъ, что убитаго ужа должно повѣсить на осину, иначе онъ оживетъ и укуситъ. [31]) Чтобы предохранить домашній скотъ отъ нападенія вѣдьмъ, на воротахъ и по угламъ скотнаго двора ставятъ осиновыя деревья; чтобы прогнать Коровью Смерть, бьютъ ее осиновыми полѣньями. Осиновый сучокъ спасаетъ также человѣка отъ болѣзней: лихорадки, зубной боли

[30]) Аѳан. II, 327.
[30]) Кирѣевск. II, 52.
[31]) Аѳан. II, 305.

и другихъ. [32]) Въ разбираемомъ нами плачѣ, Горе, какъ представитель темной силы вообще, страшится шума листьевъ «горькой осины.»

Изъ темныхъ лѣсовъ Горе бросается въ ущелья горъ:

«На высоки эти щели горе бросилось,
«Но и тутъ было горюшку не мѣстечко:
«Съ того щелье кременисто порастрескалось,
«Огонь—пламя изо горъ да объявилося.»

Такимъ образомъ, какъ чрезъ связь Горя съ лѣшими, обитателями лѣсовъ, а послѣднихъ съ великанами и карликами, оно можетъ быть сближаемо съ обитателями горныхъ пещеръ, такъ приведеннымъ мѣстомъ плача эта связь закрѣпляется еще тѣснѣе. Ущелья горъ суть обыкновенныя жилища великановъ, миѳическихъ представителей мрачныхъ тучъ и тумановъ. Съ ними въ постоянной борьбѣ находится богъ — громовержецъ (Индра съ асурами и ракшасами, Зевсъ съ титанами и гигантами, Торъ съ іотунами и турсами), олицетворяющій собою также огонь вообще. Приведенное мѣсто плача ставитъ поэтическій образъ Горя въ связь съ громовникомъ—молніею, разряжающеюся въ тучѣ—горахъ. Слѣдствіемъ соприкосновенія Горя съ горами также былъ огонь:

«Огонь—пламя изъ горъ да объявилося.»

Такъ какъ выраженіе нравственныхъ понятій въ миѳѣ можетъ быть только при позднѣйшемъ развитіи народа, когда уже въ сознаніи его нравственная личность выдѣлится изъ физической, то весьма естественно предположить, что въ плачѣ отражается древнѣйшее первобытное воззрѣніе на молнію, какъ на начало всеразрушающее, какъ на силу, приносящую видимый вредъ человѣку. Впослѣдствіи, при болѣе широкомъ развитіи человѣческаго сознанія, вредъ, приносимый молніею, въ соединеніи съ другими напастями и невзгодами жизни, обобщился и сдѣлался весьма понятнымъ человѣку подъ

[32]) Аѳанасьевъ, II 307 –308.

общимъ названіемъ несчастія, горя. Подъ это общее понятіе подходило и представленіе о нечистой силѣ, какъ о источникѣ всевозможныхъ для человѣка бѣдствій. Въ позднѣйшую эпоху, подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, съ молніею стало соединяться понятіе о стрѣлѣ, находящейся въ распоряженіи Бога,—представленіе, относившееся первоначально къ Перуну. По словамъ г. Аѳанасьева, Русскіе, Сербы, Поляки, Литовцы и Нѣмцы одинаково убѣждены, что молнія есть стрѣла Божія и всегда бьетъ въ то мѣсто, гдѣ бываетъ дьяволъ; во время грозы нечистый заботится только объ одномъ, какъбы укрыться отъ ея пламеннаго острія: онъ спѣшитъ въ горы или въ лѣсъ, прячется тамъ подъ деревья, залѣзаетъ въ пустое дупло, а нерѣдко ищетъ убѣжища и въ жилыхъ домахъ. ₃₃) Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ плача мы видимъ смѣшеніе двухъ воззрѣній: молніи и нечистой силы.

Въ дальнѣйшихъ стихахъ плача Горе является какою-то темною силою обитающею въ морскихъ пучинахъ и подземельяхъ. Оно кидается въ океанъ—море и садится подъ колодинку. Морскіе ловцы закидываютъ неводъ, въ который попадается страшная неизвѣстная рыба:

«Точно хвостъ да какъ у рыбы лебединой,
«Голова у ей въ родѣ какъ козлиная;
«По примѣтамъ эта рыба да какъ щучина.»

Распластавъ рыбу, ловцы находятъ въ ея внутренностяхъ «ключи да золоченыи.»

«Тутъ ключи стали ловцы да приминять:
«Прилагали ключи ко Божіимъ церквамъ,
«По церковнымъ замкамъ ключи не ладятся,
«По уличкамъ пошли они рядовымъ,
«По купцамъ пошли они торговымъ,
«И по лавочкамъ ключи не пригодились,
«Тутъ пошли эты ловцы да добры молодцы,
«По тюрьмамъ пошли по заключевнымъ:
«Въ подземельныя норы ключъ поладился.

₃₃) Аѳан. Поэт. воззр. I, 264.

«Гдѣ сидѣло это горюшко велико;
«По тихошеньку замокъ хоть отмыкали,
«Безъ молитовки, знать, двери отворяли;
«Не поспѣли тутъ ловцы—добры молодцы
«Отпереть двери дубовыя,—
«Съ подземелья злое горе разомъ бросилось,
«Чернымъ ворономъ въ чисто поле слетѣло. [24])

Закидываніе сѣтей и ловъ рыбы—мотивъ весьма обыкновенный въ поэтическихъ преданіяхъ народовъ. Въ древнѣйшую эпоху щука представлялась олицетвореніемъ тучи, плавающей въ воздушномъ океанѣ. Въ финскомъ эпосѣ есть сказаніе, относящееся къ древнему времени, по которое по своимъ внѣшнимъ подробностямъ сходно съ приведеннымъ мѣстомъ плача. Калевала разсказываетъ, что владѣтельница мрачной Похъіолы скрыла солнце и мѣсяцъ въ мѣдную гору (густые туманы.) Вейнемейненъ, владыка вѣтровъ, и кузнецъ Ильмариненъ, чтобы достать новый свѣтъ, поднялись на небо, высѣкли огонь (молнію) и вручили его воздушной дѣвѣ. По неосторожности, дѣва уронила огонь въ море, гдѣ его поглотила щука. Отъ жгучей внутренней боли, щука носится по водамъ и бросается изъ стороны въ сторону. Тогда богъ, съ помощію карлика, ловятъ рыбу въ закинутыя сѣти; когда она была распластана, то изъ внутренности ея вырывается огонь (въ плачѣ: «ключи золоченыи»). Такимъ образомъ тѣ черты, которыя въ древнѣйшее время прилагались къ миѳическому образу тучи, въ послѣдствіи были перенесены на горе, какъ это видимъ въ плачѣ. Слѣдующая подробность, приписываемая плачемъ Горю,—что оно вдругъ вырывается изъ-подъ земли съ какою-то необычайною силою, тоже роднитъ горе съ сказаніями о молніи, которая съ такою же силою вырывается изъ горъ толкучихъ (—облаковъ и тучъ). Затѣмъ въ дальнѣйшихъ стихахъ плача, Горе носитъ вообще какой-то роковой и вражебный человѣку характеръ: это сила, которая въ одно и тоже время поѣдаетъ

[24]) Причит. 289—290.

удалыхъ добрыхъ молодцовъ, и садится на полѣ стужей —инеемъ, вдовитъ мужнихъ молодыхъ женъ, и разсыпается надъ зеленымъ лугомъ частымъ дождикомъ, дѣлаетъ сиротами малыхъ дѣтушекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ моритъ милую скотинушку, наводитъ холодъ на сдобныя хлѣбушки. [35]) Здѣсь горе означаетъ вообще несчастіе: отъ него идетъ смерть людямъ и скоту, отъ него стужа, неблаговременный проливной дождь, уничтожающій посѣвы, отъ него и холодъ, губительный для растительности; горе—это вообще «непріятности» въ добрыхъ людушкахъ, какъ удачно заключаетъ плачъ.

Въ слѣдующемъ плачѣ Горе принимаетъ на себя, какъ и въ повѣсти о Горѣ-Злосчастіи, образы различныхъ животныхъ: ясна сокола, чернаго ворона. Подъ вліяніемъ позднѣйшихъ условій жизни и быта, оно пріурочивается къ средѣ собственно крестьянской. Само Горе говоритъ здѣсь:

«На бѣломъ свѣтѣ я распоселилося,
«До этыихъ крестьянъ и достушило. [36])

Въ народныхъ сказкахъ Горе является въ такихъ же поэтическихъ образахъ, какъ и въ плачахъ и въ вышеуказанной повѣсти. Это олицетвореніе Горя то въ какихъ-то стихійныхъ образахъ, то въ образахъ животныхъ, то въ образѣ неизвѣстнаго одушевленнаго существа, преслѣдующаго человѣка, г. Аѳанасьевъ объясняетъ такъ: впослѣдствіи, когда нравственныя представленія стали брать перевѣсъ надъ религіознымъ натурализмомъ, идея судьбы отрѣшилась отъ стихійныхъ боговъ, строителей міровой жизни, и обособилась въ отдѣльное, самостоятельное божество. [37]) Въ основѣ сказаній о Счастіи и Несчастіи, о Долѣ и Недолѣ, Бѣдѣ, Лихѣ, Горѣ г. Аѳанасьевъ видитъ не просто олицетворенія отвлеченныхъ понятій, не имѣющихъ объективнаго бытія, а напротивъ—живыя миѳическія лица, тождественныя Дѣвамъ

[35]) Прич. 291.
[36]) Прич. 292.
[37]) Поэт. воззр. III, 391.

Судьбы (рожаницамъ). До сихъ поръ, говоритъ онъ, необразованному люду еще мало доступно понятіе о счастіи и несчастіи, какъ о необходимомъ послѣдствіи тѣхъ обстоятельствъ, въ какія ставятъ человѣка борьба житейскихъ интересовъ и его собственныя наклонности: предпріимчивость, ловкость, догадливость, трудолюбіе или апатія, нерасчетливость, лѣнь и т. д... Какъ болѣзненные припадки и страданія заставляютъ простолюдина предполагать удары, наносимые ему демономъ; такъ точно счастіе и несчастіе, по народному убѣжденію, обусловливаются добрыми или недобрыми дѣйствіями сверхъестественныхъ существъ.» [38])

Не касаясь другихъ поэтическихъ мѣстъ причитаній, [39]) чрезъ которыя послѣднія ставятся въ самую тѣсную связь съ остальными, доселѣ извѣстными памятниками народнаго творчества, изданныя г. Барсовымъ причитанія весьма важны для исторіи народнаго быта, семейныхъ отношеній, какъ они сложились на сѣверѣ. Здѣсь въ весьма яркихъ, художественныхъ чертахъ изображается судьба сиротъ (5, 102 и дал.; 169, 134—151), жизнь вдовы (8, 34); изображаются отношенія отца семейства къ прочимъ его членамъ (14, 16), матери къ дѣтямъ (84, 106; 85, 133; 87, 1—16); взаимныя отношенія народа и сельскихъ властей: писаря, старосты, судьи. Въ этомъ послѣднемъ—бытовомъ отношеніи плачи драгоцѣнны едва-ли не болѣе всѣхъ прочихъ.

Н. Баталинъ.

---

[38]) Поэт Возвр. 403—404.

[39]) Сюда слѣдуетъ отнести эпическія сравненія горюющей женщины съ кукушкой (102, 14; 162, 34; 63, 38), съ лебедемъ (75, 25); характеристику умершихъ выраженіями былымъ (201, 95—105), эпическія описанія ѣзды (218, 21—24), въ высшей степени художественно-поэтическое описаніе грозы (246, 25—65), бури на морѣ (233, 14—38). Островъ Буянъ, эта страна блаженныхъ, куда отправляются души умершихъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ называемый *Буевымъ* островомъ, (Иоан. II, 131), въ плачахъ переходитъ въ нарицательныя имена: *буева, буево, буевка*, принимаемыя въ томъ же самомъ первобытномъ смыслѣ, въ смыслѣ кладбища (17, 25; 45, 13; 70, 4).

БИБЛІОТЕКА ... АКАДЕМІИ.